

5.5.8 ҳуқуқи чиноятӣ ва криминология; ҳуқуқи иҷроӣ ҷазои чиноятӣ

5.5.8 УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

5.5.8 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL ENFORCEMENT LAW

5.1.4 УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

5.1.4 ИЛМХОИ ЧИНОЙ-ХУҚУҚЫ

5.1.4 CRIMINAL-LAW SCIENCES

УДК 343.6

DOI 10.24412/3005-8023-2025-4-35-42

**ЦИФРОВОЕ ДОСТОИНСТВО
КАК НОВЫЙ ВИД ОБЪЕКТА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И
ДОСТОИНСТВА**

ЭТЬИБОРИ РАҚАМӢ ХАМЧУН НАВӢ НАВӢ ОБЪЕКТИ ЧИНОЯТҲО БА МУҶОБИЛИ ОЗОДӢ, ОБРӮ ВА ЭТЬИБОР

*DIGITAL DIGNITY AS A
NEW TYPE OF OBJECT OF
CRIMES AGAINST FREEDOM,
HONOR, AND DIGNITY*

Акилов Фирдавс Илхомович, канд. юрид. наук, зав. кафедрой юриспруденции ГУ «Худжандский международный университет» Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана (Худжанд, Таджикистан)

Акилов Фирдавс Илхомович, н.и.х., мудири кафедраи ҳуқуқшиносии Муассисаи давлатии “Донишкадаи байналмилалии Ҳуҷанд”-и МД “Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон” (Ҳуҷанд, Тоҷикистон)

Akilov Firdavs Ilhomovich, candidate of legal sciences, head of the department of jurisprudence of State Institution “Khujand International University” under the “International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan” (Khujand, Tajikistan)
e-mail: firdavs.akilov@mail.ru

Проводится теоретико-правовой анализ категории «цифровое достоинство» и обосновывается возможность её рассмотрения в качестве нового вида объекта преступлений против свободы, чести и достоинства личности. Исследование основывается на современных научных подходах к пониманию человеческого достоинства, а также на анализе трансформации правового статуса личности в условиях цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделяется специфике посягательств на достоинство личности в цифровой среде, включая кибербуллинг, распространение порочащей информации, манипулирование цифровой идентичностью и иные формы онлайн-воздействия. Обосновывается вывод о формировании качественно нового сегмента общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой охране. Предлагается авторское понимание цифрового достоинства, раскрываются его структурные элементы и особенности защиты. Определяются основные направления совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики Республики Таджикистан и Российской Федерации.

Ключевые слова: достоинство личности, цифровое достоинство, цифровые права, кибербуллинг, преступления против чести и достоинства, свобода, цифровая среда, информационно-телекоммуникационные сети, уголовное право

Таҳлили назариявӣ-ҳуқуқии мағҳуми «эътибори рақамӣ» анҷом дода шуда, он ҳамчун навъи нави объекти ҷиноятҳо бар зидди озодӣ, шаъну эътибори шаҳсият баррасӣ мегардад. Таҳқиқот ба равишҳои муосири илмӣ оид ба шаъну эътибори инсон ва

тағайрёбии мағоми ҳуқуқи шахсият дар шароити рақамигардонии муносибатҳои ҷамъиятӣ асос мейбад. Ба ҳусусияти таҷовуз ба шаъну эътибор дар муҳити рақамӣ, аз ҷумла кибербуллинг, паҳн намудани иттилооти таҳқиromez ва манипулятсия бо ҳувияти рақамӣ ва дигар шаклҳои онлайн таъсиррасонӣ таваҷҷӯҳи маҳсус дода шудааст. Ташиқул ёфтани муносибатҳои нави ҷамъиятӣ, ки ба ҳимояи ҷиноятӣ-ҳуқуқӣ ниёз доранд, асоснок карда шудааст. Тағсирӣ муаллифии мағҳуми шаъну эътибори рақамӣ пешниҳод гардида, унсурҳои соҳторӣ ва вижагиҳои ҳимояи он пешниҳод шудааст. Самтҳои асосии тақмили қонунгузорӣ ва амалияи ҳуқуқтатбиқунӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия муайян карда шудаанд.

Калидвожаҳо: шаъну эътибори шаҳс, шаъну эътибори рақамӣ, ҳуқуқҳои рақамӣ, кибербуллинг, ҷиноятҳо бар зидди шаъну эътибор, озодӣ, муҳити рақамӣ, шабакаҳои иттилоотии телекоммуникационӣ, ҳуқуқи ҷиноятӣ

The article provides a theoretical and legal analysis of the category of “digital dignity” and substantiates the possibility of considering it as a new type of object of crimes against freedom, honor and dignity of the individual. The study is based on modern scientific approaches to understanding human dignity, as well as an analysis of the transformation of the legal status of the individual in the context of the digitalization of social relations. Particular attention is paid to the specifics of attacks on individual dignity in the digital environment, including cyberbullying, the dissemination of defamatory information, manipulation of digital identity, and other forms of online influence. The conclusion is substantiated regarding the formation of a qualitatively new segment of social relations requiring criminal-legal protection. The author offers an original understanding of digital dignity, revealing its structural elements and protection features. The main directions for improving criminal legislation and law enforcement practices of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation are determined.

Key-words: *human dignity, digital dignity, digital rights, cyberbullying, crimes against honor and dignity, freedom, digital environment, information and telecommunication networks, criminal law*

Цифровая трансформация общества привела к тому, что значимая часть социальной коммуникации, самопрезентации и реализации личной свободы переместилась в онлайн-пространство. Право на достоинство, традиционно рассматриваемое как базовое надпозитивное и неприкосновенное благо личности, сегодня реализуется и нарушается прежде всего через цифровые следы субъекта – его аккаунты, профили, цифровую репутацию, «цифровой образ» в социальных сетях и иных платформах.

Международные институты уже несколько лет прямо говорят о рисках для человеческого достоинства в цифровую эпоху. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека подчеркивает, что одни и те же цифровые технологии способны как расширять, так и разрушать пространство прав человека, включая частную жизнь, свободу выражения мнения и достоинство личности [8]. В документах ЮНЕСКО по информационной этике одной из ключевых задач называется защита человеческого достоинства в условиях информационного общества и сетевых коммуникаций [9]. В научной литературе интенсивно обсуждаются категории «цифровые права», «цифровая идентичность», «цифровая целостность (integrity)» личности [2, с. 67]. Однако вопрос: можно ли говорить о «цифровом достоинстве» как самостоятельном виде объекта преступления – пока остаётся в основном на уровне отдельных постановок проблемы. Цель настоящей статьи – разработать рабочую концепцию цифрового достоинства и показать, как она «встраивается» в уголовно-правовую характеристику посягательств

против свободы, чести и достоинства личности.

В классической теории уголовного права объект преступления понимается как охраняемое уголовным законом общественное отношение, которому причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда. Сформировалась развитая иерархия объектов: общий, родовой, видовой, непосредственный, а также различие между объектом и предметом преступления. Современные исследования показывают тенденцию к расширению круга охраняемых благ, включая нематериальные: информацию, тайну, личную неприкосновенность, персональные данные. Уже отмечалось, что информация как таковая, в зависимости от содержания и контекста, также может выступать объектом уголовно-правовой защиты [13, с.19]. Ряд авторов предлагает включить в предмет и объект преступления не только вещи материального мира, но и «идеальные» феномены (нематериальные блага, статусы, социальные роли) [12, с. 66].

Достоинство личности – особое нематериальное благо. На конституционном уровне оно закрепляется как фундаментальная ценность, исходная для всей системы прав и свобод. В доктрине и в практике Европейского суда по правам человека достоинство выступает «сквозным» началом, которое лежит в основе интерпретации права на уважение частной жизни, свободы выражения мнения, запрета бесчеловечного обращения и др. В уголовном праве большинство систем не выделяют «достоинство» в отдельную главу, но включают его в род преступлений против личности, в частности против чести и достоинства, личной свободы, неприкосновенности частной жизни, половой свободы и т.д. Тем самым, уже в традиционном понимании достоинство личности – это признанное уголовным правом охраняемое благо, входящее в структуру непосредственного объекта целого ряда составов преступлений.

Цифровизация общества приводит к трансформации не только технологий, но и структуры правового статуса личности. Концепция «цифровых прав» показывает, что новые способы реализации личности в сети (цифровой профиль, электронная подпись, онлайн-идентификация, аккаунты в социальных сетях) становятся юридически значимыми элементами статуса человека [2, с. 69]. Ю. В. Грачева справедливо отмечает, что использование цифровых технологий создает не только новые возможности для личности, но и новые угрозы её безопасности, включая психическую, информационную и репутационную безопасность [1, с. 24]. По этой логике, достоинство личности «переносится» в цифровую среду:

- оценка личности другими субъектами часто формируется по её цифровому следу;
- унижение, травля и клеймение человека происходят преимущественно онлайн (кибербуллинг, доксинг, троллинг);
- цифровые платформы (алгоритмы ранжирования, рекомендации, модерация) оказывают непосредственное влияние на то, как личность воспринимается обществом.

В зарубежной доктрине развивается идея «цифровой целостности» (digital integrity) как новой проекции человеческого достоинства в онлайн-среде; эта категория используется для обоснования необходимости усиленной правовой защиты личности в условиях платформенной экономики и алгоритмического управления. В недавней работе И. Маисеевой и А. Шупитской прямо подчёркивается, что достоинство в цифровую эпоху нуждается в особых правовых механизмах защиты, связанных с персональными данными, сетевой репутацией и онлайн-коммуникацией [7]. Таким образом, достоинство личности приобретает цифровое измерение: речь идёт уже не только о том, «что говорят» о человеке, но и о том, как его цифровой образ конструируется, хранится, модифицируется и эксплуатируется.

В уголовной доктрине предпринимались попытки определения понятия «цифровое достоинство» как уголовно-правовой категории. Мы предлагаем следующее определение:

«Цифровое достоинство – это признаваемое обществом и правом социально-нравственное и правовое качество личности, проявляющееся и реализуемое в цифровой среде и выражающее уважительное отношение к её цифровой идентичности, репутации и автономии в управлении собственными цифровыми следами». Из этого определения следуют несколько структурных элементов:

1. **Цифровая идентичность** – совокупность уникальных цифровых атрибутов личности (аккаунты, логины, изображения, аватары, цифровая биография), позволяющих индивидуализировать её в сети.
2. **Цифровая репутация** – устойчивая оценка личности, складывающаяся из доступной в интернете информации (посты, комментарии, рейтинги, отзывы, медиаматериалы) и влияющая на социальное, профессиональное и экономическое положение человека.
3. **Цифровая автономия** – возможность самого субъекта контролировать распространение информации о себе, управлять согласием на обработку данных, выбирать режим публичности (от анонимности до полной открытости).

Исходя из вышеизложенного, посягательство на цифровое достоинство – это не просто клевета или оскорбление в интернете. Оно включает:

- систематическую травлю (кибербуллинг) с использованием унижающих, дегуманизирующих сообщений, мемов, фотомонтажа;
- создание и распространение ложных цифровых идентичностей (фейковые аккаунты, дипфейки, «от имени»);
- несанкционированную публикацию конфиденциальных данных и интимных материалов (доксинг, revenge porn), ведущую к разрушению социальной и профессиональной репутации;
- манипулятивные практики платформ (таргетирование уязвимых групп, алгоритмическая дискриминация), которые ставят личность в унизительное, заведомо неравнное положение.

В доктринальном плане «цифровое достоинство» может рассматриваться как видовой (или подвидовой) непосредственный объект внутри группы преступлений против чести, достоинства, свободы и неприкосновенности частной жизни. Оно не подменяет собой общую категорию достоинства личности, а конкретизирует её в условиях цифровой среды, где особенности публичности, тиражирования и неограниченного по времени хранения информации радикально усиливают вред от посягательств.

В качестве сравнения проанализируем уголовные законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере охраны цифрового достоинства. В российском уголовном законодательстве специальные составы, прямо использующие термин «цифровое достоинство», отсутствуют. Однако охрана достоинства в цифровой среде обеспечивается через совокупность норм, прежде всего:

- **ст. 128.1 УК РФ (клевета)** – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица либо подрывающих его репутацию;
- **ст. 137 УК РФ** – нарушение неприкосновенности частной жизни;
- **ст. 138 УК РФ** – нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений;
- **ст. 110 (ч.2, п. «д.»), 110.1 (ч.3, п. «д.») и 110.2 (ч.2) УК РФ** – доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, зачастую реализуемые через длительную онлайн-травлю.

Особое значение имеют квалифицирующие признаки, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, а также

публичный характер распространения сведений [10].

Исследователи прямо указывают, что кибербуллинг и интернет-троллинг создают устойчивую угрозу достоинству личности, и требуют систематизации уголовно-правовых оснований ответственности. В работах, посвящённых «цифровым преступлениям» и уголовно-правовой охране личности в условиях цифровизации, отмечается необходимость выработки единого подхода к квалификации посягательств против личности, совершаемых с использованием цифровых технологий [3, с. 193].

При этом в действующем регулировании фрагментарность остаётся доминирующей чертой: нормы, направленные на защиту цифрового достоинства, «рассыпаны» между уголовным, административным и гражданским законодательством (ст. 5.61 КоАП РФ – оскорбление, ст. 152 ГК РФ – защита чести, достоинства и деловой репутации, включая онлайн-среду) [10].

В Республике Таджикистан развитие правового регулирования пошло иным путём. В 2012 г. были исключены из Уголовного кодекса статьи о клевете и оскорблении (ст. 135 и 136), что привело к декриминализации соответствующих деяний и переносу их в сферу административной и гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем в Особенной части УК РТ сохранены специальные нормы об охране чести и достоинства высших государственных лиц (ст. 137, 137¹ УК РТ – публичное оскорбление Президента и Основателя мира и национального единства – Лидера нации или клевета в их адрес) [11]. Такой подход создаёт двойственную ситуацию:

- с одной стороны, обычные граждане защищают честь и достоинство преимущественно средствами гражданского права, включая онлайн-посягательства;
- с другой стороны, цифровое достоинство высших должностных лиц получает усиленную уголовно-правовую защиту.

При этом рост кибербуллинга, травли в социальных сетях и мессенджерах, а также распространение порочащих сведений в интернете актуализируют вопрос о необходимости более точного учета цифровой специфики посягательств в национальном праве. В доктринальном плане это может быть сделано через признание цифрового достоинства самостоятельным видом объекта преступлений против личности и разработку соответствующих составов либо квалифицирующих признаков к уже существующим составам (например, угрозы, принуждение, доведение до самоубийства, распространение персональных данных и т. п.).

На международном уровне наблюдается консенсус относительно того, что право на достоинство подлежит полной реализации и в цифровой среде. В документах ООН и ЮНЕСКО подчёркивается необходимость разработки комплексных правовых механизмов защиты онлайн-достоинства, включая регулирование платформ, защиту персональных данных, эффективные средства правовой защиты от травли, дискриминации и разжигания ненависти в интернете [9]. Зарубежная криминально-правовая доктрина постепенно приходит к идею, что новые объекты охраны – цифровая идентичность, цифровая репутация, цифровая целостность личности – нуждаются в более чёткой криминализации и унификации подходов к ответственности за соответствующие посягательства.

По нашему мнению, представляется перспективным рассматривать цифровое достоинство как интегрированный объект, лежащий на пересечении следующих групп общественных отношений:

1. Отношения по обеспечению чести и достоинства личности (клевета, оскорбление, публичная дегуманизация).
2. Отношения по обеспечению неприкосновенности частной жизни и персональных данных (несанкционированная публикация интимного, медицинского, финансового

и иного чувствительного контента).

3. Отношения по обеспечению свободы и безопасности личности (кибербуллинг, доведение до самоубийства, угрозы, преследование).

В этой логике можно выделить несколько групп преступлений (или потенциальных составов), в которых непосредственным объектом выступает цифровое достоинство:

- систематическая онлайн-травля, создающая унижающую и опасную социальную среду для потерпевшего (кибербуллинг);
- распространение заведомо ложных сведений о лице в цифровой среде, сопровождающееся созданием фейковых аккаунтов, дипфейков или манипуляцией ими и т. п.;
- разглашение цифровых секретов личности, тесно связанных с её достоинством (интимные фото/видео, сведения об убеждениях, здоровье, идентичности), с целью унижения или шантажа;
- алгоритмически опосредованные посягательства, когда цифровые платформы целенаправленно формируют унижающее или дискриминационное информационное окружение (например, адресная травля определённых групп).

Важным критерием квалификации должна стать устойчивость и масштаб цифрового воздействия (вирусное распространение, длительность сохранения в сети, невозможность контроля со стороны потерпевшего), что качественно отличает посягательства на цифровое достоинство от традиционных форм оскорблений или клеветы в онлайн-пространстве.

В таком ракурсе уголовно-правовая доктрина получает возможность:

- уточнять непосредственный объект преступления (достоинство личности в цифровой среде, а не просто абстрактные честь и достоинство);
- выстраивать систему квалифицирующих признаков (массовость аудитории, сетевой характер, использование алгоритмических инструментов, организованный характер травли и т. д.);
- дифференцировать ответственность с учётом особой уязвимости потерпевших (несовершеннолетние, лица с инвалидностью, представители меньшинств и др.).

Цифровая среда не создала достоинство личности заново, но радикально изменила формы его реализации и нарушения. Достоинство перестало быть только онлайн-категорией, связанной с непосредственным межличностным общением и традиционными медиа; сегодня оно в значительной степени существует как цифровое достоинство – совокупность представлений о личности, опосредованных её цифровой идентичностью и репутацией. Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов:

1. Цифровое достоинство может быть концептуализировано как новый вид (подвид) непосредственного объекта преступлений против свободы, чести и достоинства личности. Оно включает цифровую идентичность, цифровую репутацию и цифровую автономию.
2. Уголовное законодательство ряда государств (в частности России) уже содержит инструменты охраны цифрового достоинства, однако они фрагментарны и не используют единых концептуальных рамок; в других правопорядках (например в Таджикистане) наблюдается тенденция к переносу защиты достоинства преимущественно в сферу гражданского и административного права, что ставит вопрос о достаточности правовых механизмов в условиях роста онлайн-посягательств.
3. Международные и доктринальные тенденции (развитие категорий цифровых прав, цифровой целостности, цифрового статуса личности) подтверждают, что без теоретического и законодательного закрепления понятия «цифровое достоинство»

как охраняемого блага уголовное право рискует отстать от реальных форм виктимизации личности в онлайн-пространстве.

Таким образом, дальнейшее развитие концепции цифрового достоинства может включать: формирование типологии посягательств на него, разработку специальных составов преступлений и квалифицирующих признаков, уточнение стандартов доказывания вреда цифровой репутации, а также выстраивание баланса между охраной достоинства и свободой выражения мнения в сети. Тем самым уголовное право сможет более адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи, сохранив своё базовое назначение – защиту человека и его достоинства во всех формах его существования, включая цифровую.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

13. Щепетильников В. Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации: дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 179 с.

REFERENCES:

1. Gracheva, Yu. V. *Digital Technologies and Personal Security* / Yu. V. Gracheva // *Kriminalist*. 2019. No. 1 (26). PP. 24–27.
2. Minaeva, A. I. *Digital Rights as Elements of the Legal Status of the Individual* / A. I. Minaeva // *Issues of Russian and International Law*. 2021. Vol. 11, No. 3A. PP. 69–77.
3. Perina, A. S. *Criminal-Law Instruments for the Protection of the Individual in the Context of Digitalization* / A. S. Perina // *Victimology*. 2023. Vol. 10, No. 2. PP. 193–203.
4. Kuznetsov, D. S. *Criminal Liability for Online Harassment (cyberbullying, trolling)* / D. S. Kuznetsov // *Journal* (issue data available in the source). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-travlyu-v-internete-kiberbullying-trolling>
5. Chich, Yu. A. *Criminal-Law Characteristics of Cyberbullying (harassment using information and telecommunication networks)* / Yu. A. Chich // *Legal Journal*. 2023. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-kiberbullyinga-travli-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey>
6. Neznamova, Z. A. *Ensuring Information Security of the Individual by Means of Criminal Law (crimes against the person)* / Z. A. Neznamova // *Kriminalist*. 2019. No. 1 (26). PP. 34–40.
7. Maisyeyeva, I., Shupitskaya, A. *Protection of the Right to Dignity in the Digital Era as a Direction for the Formation of Safe Conditions of Citizens' Life* // *AIP Conference Proceedings*. 2025.
8. UN OHCHR. *Human Rights in the Digital Age*. 2019. Available at: <https://www.ohchr.org/ru/2019/10/human-rights-digital-age>
9. UNESCO. *Infoethics 2000: Protecting Human Dignity in the Digital Age*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000121984>
10. *Criminal Code of the Russian Federation (as amended): Articles 110, 110.1, 110.2, 128.1, 137, 138; Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Article 5.61; Civil Code of the Russian Federation, Article 152*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661
11. *Criminal Code of the Republic of Tajikistan. Repeal of Articles 135 and 136; current versions of Articles 137 and 137¹ (public insult of the President and the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation)*. Available at: <https://www.parlament.tj/news/541-kodeksi-inoyatii-um-urii-to-ikiston>
12. Spiridonova, O. E. *The Concept of the Object of Crime and its Expanded Interpretation in the Context of Protecting Intangible Benefits* // Excerpts from a dissertation on criminal-law protection of information constituting secrecy. Available at: <https://www.hse.ru/data/2010/07/03/1218960677/1234111.pdf>
13. Shchepetilnikov, V. N. *Criminal-Law Protection of Electronic Information: PhD dissertation in Law*. Moscow. PP. 179.